

- Вы идете к Франсуазе Саган?! Но она же наверняка будет не в себе. Да и как вам удалось ее разыскать?! Она давно уже ото всех прячется: от издателей, журналистов, поклонников, полицейских... Это же баловень Парижа, птичка певчая. Шалунья. И потом вы ничего не поймете из того, что она скажет. У нее каша во рту, ей бы комментировать футбольные матчи.

О шалостях и чудачествах Франсуазы Саган в Париже любят пошучивать. То она вдруг выходит босиком на улицу, то в безумно дорогой машине гоняет со скоростью двести километров в час, то становится алкоголичкой, то наркоманкой, то заядлым игроком.

...С той давней поры прошло много лет. Но помнится и видится все точно в предутреннем сне: склонившаяся над карточным столом пшеничная голова и огромные, вписавшиеся в полуприкрытый веер карт темно-коричневые глаза крупноносой женщины. Преферанс и рулетка были страстью всей ее жизни - Довилль, божественная Мекка Франции, средоточие праздности утомленных солнцем юга, прохлада Атлантики, роскошные гостиницы и суровая голубизна высокого неба.

Франсуаза устала. Но держится, не подает вида. В глазах похужалость. Я знаю, что проигранных денег ей нисколько не жаль. Они текли сквозь пальцы всю ее жизнь - гонорары за книги, экранизации, интервью. И выигрыши, выигрыши... Когда-то на исходе туманной юности на свои первые гонорары за роман "Здравствуй, грусть" она пришла в казино и выиграла огромную сумму денег - три миллиона франков. А утром на эти деньги купила прекрасный старинный дом.

- Вы хоть знаете о том, что ваши романы в России бешено популярны? Как вас только не издавали - и четырехтомником, и толстенным пудовым кирпичом, куда, однако, вошло все, что вы написали?

- Раньше не знала, а теперь знаю. Я очень рада. Только пусть хоть через раз не забывают присылать мне денег. Иногда они бывают необходимы.

(И Саган смеется каким-то мелким заразительным смехом.)

- Я люблю русских, русский характер. Моя бабушка со стороны отца была русская, из-под Петербурга. В моем характере есть склонность к игре. Мне намекали, что в этом моя русскость, и этот же аргумент я использую, чтобы извинить мою слабость.

С первого же знакомства Франсуаза мне жутко понравилась. Естественными манерами, раскованностью, мгновенной реакцией, радушием. Началось с того, что она опоздала и я со своим переводчиком-другом, журналистом в течение часа томился в квартире Саган, потягивая предложенный секретаршей аперитив. И когда с извинениями влетела в комнату хозяйка, а я тут же спросил, как нам поудобнее сесть, на диван, на стулья или за столом, Франсуаза мгновенно парировала: "Я виновата, точнее виноват мой пес, он заболел, и я возила его к врачу и готова сесть хоть к вам на колени!" Пассаж неожиданный. Не каждому посчастливилось услышать такое от живого классика, легенды французской литературы. Я сразу почувствовал себя раскованным, одомашненным. И мне еще сильнее захотелось говорить с Франсуазой Саган не только о литературе, но и о том, как создаются идолы, земные боги, суперстарты уходящего XX века.

- Это банально, но прошу вспомнить (наверное, в тысячный для вас раз), как вы начинались в литературе, как написались первая повесть? Ведь именно она создала вам мировую славу.

- Тогда я училась в Сорбонне и провалила экзаменационную сессию. Было лето, и я осталась с отцом в Париже. Чем заняться? И я решила что-то такое написать. К осени повесть была готова. Я сама отнесла рукопись к издателю, который быстро ее напечатал. Ну и все завертелось... Вот так неожиданно я стала писателем. Хотя с четырнадцати лет, когда я стала читать Стендаля, Бальзака, великих русских писателей, я уже мечтала только об одном - о литературе. И тем не менее, повторяю, увидев

свою вещь напечатанной, я была поражена.

- Чем, самим фактом публикации?

- Да! Ну и сразу же реакцией читателей, критики. Разразился гигантский скандал, потому что впервые во французской словесности описана девушка, которая занимается любовью с молодым парнем и не беременеет. Полагалось, что после этого она непременно должна была понести и обязательно быть наказанной за свой грех. В книге же этого не произошло, вот и вышел скандал. Ведь в то время, в середине пятидесятых годов, плотская любовь в литературе была во Франции запрещена. Поразительно, как меняются нравы, ведь сегодня в такой же степени она является обя-

- Это не моя жизнь, это не жизнь других, это плод воображения. Пока воображение действует, все будет в порядке. Как только оно перестанет генерировать, кончится все. Для меня кончится моя жизнь.

- А как случилось, что в одном из ваших сочинений вы вдруг стали переписываться с Сарой Бернар? Вы что, копались в архивах? Мне кажется, такое занятие не для вашей неусидчивости.

- Да, вы правы, я лентяйка. Но моя лень и движет замыслами. Чем больше я пребываю в бездействии, тем сильнее я рвусь к столу, к бумаге. Что касается Бернар, то это как бы фиктивная переписка, основанная, однако, на биографии великой актрисы. Когда пишешь исторический роман, тебя ограни-

полном серьезе обвиняется в причастности к финансовым махинациям и в уклонении от уплаты налогов. Если в двух словах, то Саган погорела на тесной дружбе с бывшим президентом Франсуа Миттераном. Левый глава государства слыл тонким интеллектуалом и приближал к себе культурную элиту. Саган он даже брал в зарубежные вояжи, представляя ее как советника. Во время одного из таких приемов в Колумбии Саган стало так плохо (моя героиня никогда не обращала внимания на свое здоровье и запустила некоторые болезни), что ее специальным самолетом отправили в Париж на операционный стол. Говорят, что, вернувшись из поездки, Миттеран прямо из аэропорта приказал ехать в госпиталь, где лежала его подруга.

никогда не считала. Часть из полученных сумм Саган продала в казино. Натура у Саган широкая. Она щедро раздает деньги благотворительным фондам, в свое время помогала жертвам Чернобыля, друзьям, близким, поддерживает молодых литераторов. Ее божественный образ жизни стоит недешево.

- О том, что я алкоголичка, здесь пишут уже 25 лет. Но это неправда. Я пила вино, как все во Франции. Целых десять лет соблюдала, между прочим, сухой закон, ничего не пила. Ни грамма. Журналистам это мешало, им было нечего обо мне писать, и тогда они придумали, что я наркоманка. Для Парижа это банальная история. Арестовали торговца кокаином, и я была одной из ста человек, которые купили у него какую-то дозу кокаина. И вот я уж стала морфинисткой, кокаинисткой и уж не знаю кем и чем... Два раза всплыла эта история, в которой я обвинялась в нарушении закона, и, вы знаете, оба раза (какая случайность) тогда, когда Франсуа Миттеран баллотировался на выборах. Для того чтобы помешать моему другу, крайне правый журнал "Минют" обвинил меня во всех смертных грехах. (Тут я подумал: "Боже мой, как все похоже, один к одному - выборы в России, выборы во Франции, "минют", доренки, писаксы, на ходу рвущие подметки в сторону безвыходных куц.)

- Вы подавали на журналистов в суд?

- Да, их приговорили к денежному штрафу в десять тысяч франков.

- А чем вам нравился Миттеран? Почему вы сдружились?

- Заслуга Миттерана-политика в том, что впервые за полвека он сумел вернуть к власти левые силы. А Миттеран-человек - это сплошное очарование. Его отличало чувство юмора, он любил людей, был впечатлительным, вдохновенным человеком.

- Я слышала мнения людей о том, что ваши романы - это как бы академия любви, некая наука интимных отношений между Им и Ей.

- Не уверена. Этим делом в школе не обучают. И в академии тоже.

- Но между тем герои ваших романов совершают какие-то поступки, волевые движения, меня судьбу, биографию. Какие поступки, простите, совершили вы в личной (не писательской) жизни?

- Свою жизнь я меняла несколько раз. В первый раз я вышла замуж в двадцать два года, и, когда однажды я вошла в свою квартиру и увидела мужа, читающего на диване газету, я сказала себе: "Что я наделала, неужели вот так я буду жить до конца своих дней с мужем, читающим газету?" Я упаковала чемоданы и вышла из дома. Навсегда. Муж крикнул: "Ты куда?" Это был развод без сцены.

Интервью Саган дает крайне редко: "Если я буду принимать всех журналистов, то кончу тем, что буду жить как на помосте". Прощаясь с Франсуазой после откровенного разговора, я решил рассказать ей давнюю историю своей заочной любви к совсем юной писательнице, автору первого романа. Было это в начале 60-х годов, я служил тогда в армии и однажды в гарнизонной библиотеке наткнулся на сообщение о молодой писательнице из Парижа. В статье рассказывалось содержание повести, была помещена биографическая справка. Этого оказалось достаточно, чтобы мое скованное армейскими предрассудками воображение разыгралось в гипертрофированной форме. Я безумно влюбился в далекую французскую девушку, ночей не спал.

Франсуаза расхохоталась своим мелким стремительным смехом и заключила:

- Весь наш разговор о литературе не стоит одной этой новеллы. Вот он - самый веский аргумент в мою пользу: "В меня был влюблен русский солдат". На секунду Франсуаза запнулась и добавила: "Даже русский солдат". Но я не обиделся.

Феликс Медведев

Франсуаза Саган:

"Любви научиться нельзя"

зательной. И чем откровеннее, тем "рыночнее".

С тех пор литература, слово стали страстью моей жизни. Что же кроме? Люди, природа, игра...

- Деньги, конечно, нет?

- Я люблю деньги, который мне хорошо служат, но я для них плохой хозяйин. Деньги всегда сопровождают мою работу, мою жизнь, мою игру.

...Кажется, Саган доигралась. Из литературных кулуаров французской столицы, со страниц газет и журналов все настойчивее исходят зловещие слухи о том, что гордость страны, самая известная из живых писательниц-символ Франции, литературная Марианна, королева дамского романа Франсуаза Саган вот-вот окажется за решеткой. Большого выигрыша, чем подвалил тогда в юности, три миллиона франков, никогда не случалось, а "мелкие", сотеннотысячные сопутствовали Саган всегда. Несмотря на астрономические для Франции тиражи ее книг, исчисляемые почти полумиллионными цифрами, денег стало не хватать. Писательница залезла в долги, расставшись с дорогим "Ягуаром", одним из загородных домов, редкими вещами. Той полубуржуазно-полубогеминой квартиры, где я встречался с Саган, уже не существует. Особняк в Нормандии заложен за долги. Приезжая в Париж из родительского дома в провинции, Франсуаза поселяется в гостинице.

- Скажите, ваши романы, ваши книги - это ваша жизнь или чужая? До встречи с вами мне казалось, что ваша.

чивают какие-то факты, которые сжимают пределы воображения, ибо всегда найдутся люди, которые скажут, а вот здесь не так и вот тут не эдак.

- Поэтому лучше фантазия?

- Да.

- Ну и ловко же вы выкрутились, мадам Саган. А почему все-таки Сара Бернар?

- Бернар одна из немногих знаменитых женщин, которая весело прожила свою жизнь. Жизнь, не закончившуюся в бедности, в каком-то приюте для сирых. Сара Бернар не была наказана за то, что так весело прожила отпущенное Богом. Вы, кстати, знаете, что она была страстным игроком? И денег не считала.

- Знаю. Знаю и о том, что однажды Сара продала за вечер более ста тысяч франков, огромную, как вы понимаете, сумму... Хочу здесь спросить вас: несмотря на какие-то нелепые и страшные слухи, вы все-таки счастливы в этой жизни? Если нет желания, не отвечайте.

- Да, вполне... Надо, впрочем, поступать по сухому дереву, чтобы не сглотить. Ведь завтра пятница... Ну, конечно, я была и на шпите, и под шитом, всякое бывало. Ведь можно иметь тираж книги в полмиллиона, но достаточно влюбиться в какого-нибудь кретина и из-за этого страдать.

Пальцами по сухому Саган все-таки до Бога не достучалась. Последнее сообщение, пришедшее буквально на днях из Парижа, со страниц журнала "Экспресс", извещает, что гордость нации, мировая звезда уже на

Так вот, сейчас во Франции раскручивается грандиозный скандал, связанный с доступом к коммиссионной кормушке нефтяного концерна "Эльф-Акитен", в котором среди прочих фигурирует и известная писательница. Один из ключевых посредников - 79-летний миллионер Андре Гельфи, который поднатерел на нефтяных сделках с Россией и Узбекистаном, только что заявил, что он вылатил Саган в качестве коммиссионных 9 миллионов франков. Выплата имела место в 1993 году, когда концерн вел переговоры с Узбекистаном. Специально сблизившись с Саган, он стал бывать у нее дома и однажды попросил ее уговорить Миттерана походатайствовать за "Эльф-Акитен" перед Исламом Каримовым. Нефтяная компания была страшно заинтересована в выходе на узбекский рынок. Саган сделала все как надо. Сославшись на фискальные проблемы, писательница попросила Гельфи выдать ей аванс в размере 5 миллионов франков. "Я выписал ей чек на 3,5 миллиона, - рассказал журналистам миллионер-посредник, - а еще 1,5 миллиона передал по просьбе Саган ее другу Франселе. После чего она снова попросила меня дать ей деньги для завершения строительства нового дома в Довилле. И я ей вручил еще 4 миллиона". О полученных суммах Саган не сообщила налоговой полиции, что и стало основанием для возбуждения уголовного дела. Мало того, имя великого мастера слова муссируется уже с эпитетом "узбекская шпионка".

Такова французская се-ля-ви. Жаль Франсуазу, но на этом примере и впрямь заметно, что деньги она